

ДНЕВНИК старого врача,

писанный исключительно для самого себя,
но не без задней мысли,
что, может быть, когда-нибудь
прочтет и кто другой.

5 ноября 1879 — 22 октября 1881

5 ноября 1879

Отчего так мало автобиографий? Отчего к ним недоверие? Верно, все согласятся со мною, что для мыслящего, любознательного человека нет предмета более достойного внимания, как знакомство с внутренним миром, бытом каждого мыслящего человека, даже и ничем не отличающегося на общественном поприще.

И вот я, для самого себя и с самим собою, хочу рассмотреть мою жизнь, подвести итоги моим стремлениям и мировоззрениям (во множественном — их было несколько) и разобрать мотивы моих действий. Стой, однако же! На первых же порах! Не притворничаю ли с самим собою? Точно ли хочу писать только *для себя*? Если я и решил, чтобы писанное о себе осталось при моей жизни необнародованным, то разве я не желал бы, чтобы оно прочиталось когда-нибудь и другими, хотя бы, например, моими детьми и знакомыми? Жена же, верно, уже прочтет. Если же я этого не хочу, то значит все-таки порисоваться и что-нибудь скрыть или поддурманить. Самоеду это сейчас же приходит на мысль. И это хорошо, что приходит на мысль. Как только это имеется в виду, то есть надежда и на достаточное противодействие. Ведь *самоедство* не допустит меня, чтобы я не следил за собою во время моей работы с самим собою; следя же, подмечу, а подметив, остановлюсь и не дам простору притворству и скрытности. Впрочем, я заранее знаю, что цинически откровенным я и пред самим собою не хочу быть. Чистоплотность нужна не напоказ только. Цинические поступки в жизни лучше оставить, не трогая и не подвергая анализу, — это лучше для самого себя; иначе попадешь в ретирады души и оттуда напустишь вони и в то, что искрен-

но хотелось бы оставить чистым, как оно есть на самом деле. У нас у всех на дне души довольно грязи; если, опустившись на это дно, ее взбаламутишь, то потом сам не отличишь чистого от грязного. Но, разумеется, если цинизм и душевная нечисть были мотивами какого-либо действия, повлиявшего на всю жизнь, то поневоле не минуешь заглянуть и в ретиреды.

Но способен ли я писать о себе для себя?

Опять вопрос: что нужно для этого?

Главное — откровенность с самим собою.

Наверное, я могу про себя сказать только то, что я не скрытен с собою; ведь есть люди, скрытничающие более с собою, чем с другими; я не принадлежу к ним, хотя и со мною случалось, что я открывался себе только после того, как был откровенен с другими; случалось, что, сообщая откровенно другим что-либо вслух, начинаешь как будто лучше понимать, что делается внутри тебя самого. Иногда только тогда узнаешь хорошенько, что делается у тебя, когда разговоришься о себе с другим. Иногда стыдишься себе признаться в том, что на душе, пока случайно как будто (хотя и вовсе не случайно) не расскажешь другому вдруг с какой-то цинической откровенностью вслух, что скрывал от себя.

Записки, которые веду теперь о себе, заменяют в таком случае неоткровенности с самим собою сообщение или разговор с другим; бумага заменяет другое лицо; к записке, хотя и собственной, относишься объективнее, чем к мысленной беседе с собою. Пиша, делаешься смелее с собою и притом не даешь мысли распускаться в разные стороны и бродить; мысль при записывании превращается в нитку и ловчее тянется из мозга, чем при размышлении, без письма.

Итак, я надеюсь, ведя мои записки, быть не менее, а гораздо более откровенным с собою, чем в задушевных излияниях с другими, хотя бы и с самыми близкими к сердцу людьми.

Второе условие, чтобы быть (правдивым) истинным автобиографом для самого себя, — это хорошая память. Для беспамятного, хотя бы остроумного и здравомыслящего человека его прошедшее почти не существует. Такая личность может быть весьма глубокомысленная и даже гениальная, но едва

ли она может быть неодносторонняя, и уже, во всяком случае, ясные и живые ощущения прошлых впечатлений без памяти невозможны. Но память, как я думаю, есть двух родов: одна — общая, более идеальная и мировая, другая — частная и более техническая, как память музыкальная, память цветов, чисел и т.п. Первая (общая) хотя и отвергалась иными, но она-то именно и удерживает различного рода впечатления, получаемые в течение всей жизни, и события, пережитые каждым из нас. Глубокомысленный и гениальный человек может иметь очень развитую память, не обладая почти вовсе общею памятью.

Моя память общая и в прежние годы была острая. Теперь же, в старости, как и у других, яснее представляется мне многое прошлое не только как событие, но и как ощущение, совершавшееся во мне самом, и я почти уверен, что не ошибаюсь, описывая, что и как я чувствовал и мыслил в разные периоды моей жизни. Но память для прошлых ощущений и составившихся из них убеждений, мыслей и взглядов может быть, и не есть та, которую я называю *общею памятью*. Она, может быть, так же, как и память звуков, цветов и т.п., специальная, так сказать *техническая*, и не всякий одарен ею; память собственных ощущений требует сверх того еще и культуры. Такая культура именно и рождает в нас *самоедство*. К этому, т.е. к развитию самоедства, необходимо еще и внимание, сосредоточенное на собственных ощущениях и их дальнейшее развитие. Вообще, запоминается хорошо только то, на что обращено внимание. Внимательность — необходимый атрибут памяти. Но и внимание, и память не всегда сознательны; первое, впрочем, редко не сознательно, тогда как память, именно специальная (техническая), нередко, и даже зачастую, действует для нас бессознательно. Мы многое запоминаем и многому внимаем невольно и незаметно для нас самих. Нередко, вспомнив что-нибудь, удивляешься, когда успел это припомнить.

Как остаются в мозгу почти целую жизнь некоторые ощущения и воспоминания не только о прошлых событиях, но и еще и воспоминания об ощущениях, испытанных нами при давно прошедших событиях, — трудно себе представить. Мозг, как и все органы, подвержен постоянной смене веще-

ства; атомы его тканей постоянно заменяются новыми, и нужно предположить, что атомы его, заменяясь при смене вещества другими, новыми, передают им те самые колебания, которым они подвергались при ощущении различных впечатлений. И вот мягкая мозговая мякоть ребенка, оплотневаясь и изменяясь в ее физических свойствах, продолжает задерживать отпечатки самых ранних ощущений и впечатлений и передает эти ощущения нашему сознанию в старости еще живее и яснее, чем прежде, в зрелом возрасте. Не говорит ли это в пользу моего взгляда (несколько мистического), что атомистические колебания (которые необходимо предположить при ощущениях) совершаются не в одних видимых и подверженных изменениям клеточках мозговой ткани, а в чем-то еще другом, более тонком, эфирном элементе, проникающем чрез все атомы и не подверженном органическим изменениям.

Замечательны также и бессознательные ощущения, остающиеся и не остающиеся в памяти. Наш внутренний быт составлен весь из постоянных, сознательно и бессознательно для нас беспрестанно колеблющихся и волнующих нас ощущений, приносимых к нам извне и изнутри нас. С самого начала нашего бытия и до конца жизни все органы и ткани приносят к нам и удерживают в нас целую массу ощущений, получая впечатления то извне, то из собственного своего существа. Мы не ощущаем наших органов; мы, смотря на предмет, не думаем о глазе; никто в нормальном состоянии ничего не знает о своей печени и даже о беспрестанно движущемся сердце, но ни один орган не может не приносить от себя ощущений в общий организм, составленный из этих органов. Ни один орган, как часть целого, не может не напоминать беспрестанно о своем присутствии этому целому. И вот эта вереница ощущений, извне и изнутри, без сомнения известным образом регулированных, и потому скажу лучше — свод (ensemble) ощущений и есть наше «я», в течение всего нашего земного бытия. Что такое наше «я» без этих ощущений — этого мы не можем себе представить, но и не можем не допустить возможности существования ощущающего начала без ощущений. Одно «я» основано на опыте, другое — на логике; есть и третье, основанное на веровании.

Декартово *cogito, ergo sum** может быть без ошибки заменено: *sentio, ergo sum***; ибо слово «ощущаю наше “я”» можно сказать и не мысля. «Я есмь» не есть продукт мышления, а ощущения, т.е. чувства, — не мысли, — что существую. Правда, младенец, делающий первый вздох, вышел на свет, не говорит еще: *я существую*, хотя, без сомнения, ощущает, вбирая в себя впервые воздух, нечто для него новое; но более сознательное чувство существования, приходящее к ребенку постепенно, без сомнения, не есть продукт мышления, а более регулируемое и окрепшее ощущение, приносимое извне и изнутри его органами.

Рассматривая мою жизнь, я опишу несколько мировоззрений, которым я следовал, останавливаясь на них более или менее продолжительное время; полагаю, что мне удастся также выяснить для себя и то, почему я принимал их и следовал им; теперь же постараюсь уяснить себе то мировоззрение, на котором я, как кажется, уже окончательно остановился; приведу покуда только часть моего настоящего мировоззрения, относящегося до моего взгляда на основы нашего бытия.

Остановиться мыслю на вечно движущихся и вечно существовавших атомах я не могу теперь, хотя и мог прежде. Мой ум впадает в безысходное положение в обоих случаях, то есть когда он хочет себе представить эти атомы бесконечно делимыми и бесформенными или же ограниченными и имеющими известный вид. Бесконечно делимое, движущееся и бесформенное *само по себе как-то случайно* делается ограниченным, оформленным и спокойным: это так несомненно в моем уме, что я не могу на нем остановиться. Мне невозможно также остановиться на атомах, размельченных в какие-то крупинки, шарики, математические точки и т.п. Если вся Вселенная переполнена этими непроницаемыми, т.е. сохраняющими главное свойство вещества, атомами, — и между тем они должны находиться в беспрестанном движении, то где же, в чем и как совершается их движение? Мой слабый ум, производя свой анализ вещества, деля и

* Я мыслю, следовательно, я существую (*лат.*).

** Я ощущаю, следовательно, я существую (*лат.*).

разлагая его атомы, никак не может на них остановиться и незаметно, невольно переходит от них в конце концов к чему-то другому, имеющему все отрицательные свойства материи; мой умственный анализ роковым образом приходит к необходимости принять вне атомов нечто проникаемое и все и всюду проникающее, неделимое, бесформенное, вечно движущееся и именно этими своими свойствами сообщающее, движущее, скопляющее, рассеивающее атомы, образующее тем формы вещества и, само проникая в них и чрез них, принимающее (так сказать, укладываясь в них) на себя, хотя бы и временно, тот или другой вид, смотря по тому, в какую и чрез какую форму материи оно проникает.

Перенося мой анализ на органические вещества и на самого себя, я невольно спрашиваю себя: откуда могла взяться способность органического мира ощущать и сознавать свое бытие? Основные его атомы, как бы я их себе ни представлял, останутся для меня все-таки бесконечно делимыми, непроницаемыми и т.п., то есть имеющими такие свойства, которые не объясняют мне их способности ощущать и сознавать себя; необходимо будет допустить, что от века веков существуют и атомы, одаренные этими свойствами, и своим скоплением в одно целое образующие, чувствующие и сознающие свое существование организмы. Мой ум не допускает, чтобы одна группировка атомов в известные формы (как, например, мозговые клетки) могла их сделать, *eo ipso**, способными ощущать, хотеть и сознавать, если бы в них не была вложена способность к ощущению и сознанию.

Вот это основное начало — этот-то элемент чувства, воли и сознания, самый основной бытия, — начало, без которого мир не существовал бы для нас, — мой умственный анализ и отыскивает за пределами атомов, — в том, что он по необходимости признает существующим вне их и имеющим отрицательные, т.е. противоположные атомистическим, свойства, без которых и положительные свойства материи для нас были бы несуществующими.

Это отвлеченное, как и самые атомы, произведение умственного анализа, основанное на природной способно-

* Этим самым (*лат.*).

сти ума переносить свои функции вне себя, должно содержать в себе и самое главное отрицательное свойство вещественных атомов — самостоятельное жизненное начало с его главным атрибутом: способностью к ощущению и самосознанию, не таким, конечно, которым одарены мы.

Я представляю себе — нет, это не представление, а греза — и вот мне грезится беспредельный, непрерывно зыблющийся и текущий океан жизни, бесформенный, вмещающий в себе всю Вселенную, проникающий все ее атомы, непрерывно группирующий их, снова разлагающий их сочетания и агрегаты и приспособляющий их к различным целям бытия.

К какому бы разряду моих ограниченных представлений я ни отнес этот источник ощущения и ощущающего себя бытия — к разряду ли сил или бесконечно утонченного вещества, он для меня все-таки представляет нечто независимое и отличное от той материи, которая известна нам по своим чувственным (подлежащим чувственному исследованию) свойствам. У меня нет других средств к исследованию этого источника ощущения и моего сознательного бытия, как полученная мною из этого же источника способность ощущения. А расследовать и познать что-либо вполне мы можем только тогда, когда станем выше познаваемого. Но свойство нашего ума искать цели и целесообразности не может не видеть целесообразности в проявлениях жизни. Нет ничего целесообразного, придуманного нашим умом, что не обреталось бы готовым, так сказать, в окружающем нас мире. Напрасно говорят, что организм наш есть машина; наоборот, каждая придуманная нами машина есть не что другое, как сколок с существующих уже в природе и в нашем организме приборов и снарядов.

Все органическое в природе тем и поразительно для нас, что в нем начало или сила жизни приспособила все механические и химические процессы к известным целям бытия. Если же ум наш не может не найти целесообразности в проявлениях жизни и творчества различных типов по определенным формам, то этот же ум не может в этом не видеть самого себя — то есть видеть разумное; и вот наш ум по необходимости должен принять беспредельный и вечный разум, управляющий океаном жизни.

[21 ноября 1879]

Я начал писать мои записки 5-го ноября 1879 года и сегодня, 21-го ноября, опять принимаюсь, после промежутка в несколько дней.

Пишу для себя и не прочитываю, до поры до времени, писанного. Поэтому найдется немало повторений, недомолвок; найдутся и противоречия, и непоследовательности. Если я начну исправлять все это, то это было бы знаком, что я пишу для других.

Я признаюсь сам себе, что вовсе не желаю сохранять навсегда мои записки под спудом; те, однако же, лица, которым когда-нибудь будет интересно познакомиться с моим внутренним бытом, не побрезгают и моими повторениями: они, верно, захотят узнать меня таким, каков я есть, с моими противоречиями и непоследовательностями.

Да, жизнь — это для меня понятие коллективное. Это я уже сказал; жизнь — это осмысленная, безгранично действующая сила, управляющая всеми свойствами вещества (то есть его силами), стремясь притом непрерывно к достижению известной цели: осуществлению и поддержке бытия.

Простое описательное эмпирическое определение жизни, данное Биша* и другими, также довольно верно: по этому определению жизнь сводится на собрание отправлений — *ensemble des fonctions*, противодействующих смерти — *qui resistant a la mort*.

Действительно, в живом организме, как и во всем живом мире, все отправления, все функции направлены к тому, чтобы сохранить бытие и противодействовать разрушению; ошибка, или лучше, недомолвка этого определения, только в том, что не отправления организма сами по себе стремятся и более или менее достигают этой цели, а другое, руководящее их начало, эмпирическое, осмысленное, то есть стремящееся к цели и делающее все функции организма целесообразными, — сила жизни.

Все механические действия органических снарядов и приборов, все химические процессы, весь процесс развития

* М.-Ф.Биша (1771—1802) — французский анатом и физиолог, автор учения о тканях человеческого тела.

в организме — все целесообразно, везде мысль, план и стремление осуществить, сохранить и поддержать бытие. Механизм устройства органов, химизм различных функций и т.п. — все это чем более расследуется и чем более подвергается чувственному анализу, тем яснее обнаруживаются в замысловатости устройства целесообразность и причинность, но то, что направляет механические и химические процессы организма к цели, то остается и останется для нас сущим и первобытным, хотя и сокровенным для чувственного представления.

25 декабря

Рождество Христово. Не писал дневника несколько дней, но зато на моих утренних прогулках по имени старался привести в порядок и ясность для себя мои понятия о начале жизни.

Я должен привести себе в ясность, насколько я материалист; эта кличка мне не по нутру, как Гессен-Кассельскому герцогу, который никак не мог терпеть, чтобы его гессенского профессора Либиха* считали материалистом. «Sein Vater war Materialist (т.е. аптекарь), nicht er»**, — говорил герцог обвинителям Либиха в материализме.

Но что за дело до клички? Главное — сделать для себя ясным свое мировоззрение. Если я только не слукавлю пред Богом и моей собственной совестью, излагая мое мировоззрение, то дела нет — буду ли я материалист или глупец в отношении к другим.

Я изменил себе и прочитал написанное несколько дней назад. Прочитав, вижу, что к понятиям о беспредельном, к которым я отношу пространство, время, силу и жизнь, я отнес и понятие о веществе. Откровенно сознаюсь, что вещество мне кажется таким же беспредельным, как пространство, время, сила и жизнь. Мне кажется, то есть моему воображению не представляется невозможным, что вещество могло бы перейти в силу и сила — в вещество. Сила должна

* Ю. Либих (1803–1873) — немецкий химик, явился реформатором в области органической, физиологической и сельскохозяйственной химии.

** Не он, а его отец был материалистом (нем.).

быть бесформенна, но и материя в крайних ее пределах едва ли мыслима с сохранением формы. И жизненное начало, как сила, как нечто беспредельное и бесформенное в моем представлении, должно иметь свойства силы, переходить в материальные атомы, подобно тому, как допускается возможность перехода туманных пятен мирового эфира в небесные тела. Сравнение, правда, самое грубое. Тут переход вещества в вещество, следовательно, одно видоизменение. А переход силы в вещество! Это что? Ахинея? Но ведь сила не ничто, и, рассматриваемая мышлением отдельно от вещества, она есть нечто отличное от материи, хотя бы только и отрицательными свойствами. Только одно понятие о Боге, или — у атеистов — понятие о мире (их Боге), может быть понятием без отрицания; все другое на свете, понимаемое или представляемое нами, должно иметь и собственное свое отрицание в нашем уме.

Понятие о беспредельном пространстве имеет свое отрицание в измеряемых и оформленных предметах; понятие о бесконечности времени отрицается часами и минутами; для жизни служит отрицанием смерть; даже для уяснения одного из свойств Божеской природы — добра — сделался необходимым дьявол. Потому и понятие о веществе вызвало в уме представление о противоположном начале — силе; без нее, без ее антагонистических веществу атрибутов, самое вещество с его инерцией и другими свойствами было бы невысказуемо. Но отрицательное (то есть не материальное) свойство силы можно и для более ясного представления нужно перевести в положительное, приняв за исходную точку главный атрибут силы — действие и движение. И действительно, с моим представлением безграничного пространства и времени соединяется и представление о движении; время — это отвлеченное движение в пространстве, то есть сила, действующая в пространстве и своим действием приводящая себя в вещество. Могу ли я требовать, чтобы представления мои о таких отвлеченных предметах были ясны и отчетливы, как чувственные факты? — ведь и о самых наглядных вещах нередко имеешь одно смутное представление. Следует ли из того, что мне представляется неясным, заключить, что это темное представление ложно

и бессмысленно? Не бывают ли, напротив, именно галлюцинации, то есть призраки, весьма ясны и неоспоримы для галлюцинирующих? Известно, что при неясности представлений мы прибегаем к сравнениям.

И вот мне кажется, что в моем понятии жизненное начало ни с чем не может быть так сравнено, как с светом. Источник света хотя и известен нам фактически, но расстояние его от нас так далеко и действия его на нас и все окружающее нас так многочисленны и разнообразны, что мы в обыкновенной жизни называем, без дальнейшего размышления, свойствами тел — свойства света. Мы говорим и думаем, что тот или другой цвет принадлежит не солнечным лучам, а тому или другому телу, хотя это тело потому только цветное, что атомы его задерживают, отражают или преломляют лучи света. Лучи же света могут достигать до нас и быть видимыми нами, может быть, целые века после того, как источник их света уже давно погас. Колебания светового эфира, чего-то непохожего на вещество, способного проникать через вещества, непроницаемые для всякой другой материи, и вместе с тем сообщающего им новые свойства, мне кажутся подходящими для сравнения с действиями жизненного начала.

26 декабря

Беседа с самим собою заманчива. Как я ни убежден, что мне не удастся уяснить себе вполне мое мировоззрение, но самая попытка уяснения заключает уже в себе какую-то прелесть.

Погода все время изменяется: NWH NNW, иногда переходящие SO. Температура между $-5-6^{\circ}$ и $+2^{\circ}$ R.

Да, мозг представляется мне подобным стеклянной призме, имеющей свойство разлагать луч света и преломлять его. Если бы я не боялся насмешки над самим собою за фантазерство, я бы назвал мозг призмою мирового ума; воспринимать и пропускать через себя колебания или действия этой мировой силы было бы функциею мозга, если бы сравнение мое было верно. Но, ставя себя на точку зрения материалиста-эмпирика, я вижу непроходимую пропасть между моим сравнением и тем воззрением, к которому неминуемо приводит — на первых порах и, так сказать, сгоряча, — скепти-

цизм эмпирии. Не говоря уже о том, что *comparaison n'est pas raison**, есть ли, спрашивается, для эмпирика хотя малейший смысл в употребленных мною выражениях, как: колебания силы, мировой ум без мирового мозга, сила без вещества, жизненное начало вне организма? Что это, с точки зрения эмпирика, как не идеологический набор слов?

Да, согласен, помирить чистый эмпиризм с существованием силы вне материи, мысли вне мозга, жизненного начала вне органических тел немислимо. Это *contradictio in adjecto***. И те чистые эмпирики, которые, останавливаясь на фактах, не идут далее своих непосредственных (прямых или ближайших) умозаключений из этих фактов, совершенно правы в моих глазах, — я сам был и даже есмь такой, но как скоро переступается ими эта граница волшебного круга, как скоро они берутся за разрешение таинственного икса, то тут выводы эмпиризма оказываются несколько не осмысленные идеологических предположений. Не забудем, однако же, что то, что мы называем смыслом, не есть непоколебимое и безусловно верное мерило истины. Хотя законы мышления всегда были и будут одни и те же, дважды два всегда будет четыре, но осмысленными и бессмысленными нам кажутся не всегда и не всем одни и те же предметы. То, что считалось бесспорным и очевидным лет сто тому назад, то может быть бессмысленным для живущих в конце XIX века. Смысл меняется не от одного процентного содержания знания в нашем уме, а часто и от психических поветрий и других внешних условий, к которым надо отнести и моду. Мода же является также и в виде поветрия. Вообще наш смысл, а вместе с ним все наши мировоззрения подчиняются закону периодичности, играющей в нашей, как и во всей мировой, жизни важную роль. Старое и забытое является в известные периоды снова на свет, но, конечно, всегда в ином виде; новые скопившиеся приобретения опыта вызывают на свет забытое и придают ему свежесть и новую силу. Ново то только, что хорошо забыто, — это изречение скептика имеет свою долю правды. Периодическое и вековое господство раз-

* Сравнение — это не доказательство (*франц.*).

** Внутреннее противоречие (*лат.*).